

Рец. на кн.: Шнейдер К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь: Пермский гос. нац. исследовательский ун-т, 2012. 229 с.

Ранний русский либерализм до сих пор не является общепризнанной частью историографической традиции в отечественном «либераловедении» в отличие от западной русистики. Нетрудно заметить научные предпочтения отечественных экспертов по истории русского либерализма в пользу пореформенного периода и особенно первых двух десятилетий XX в. Это вполне объяснимо, так как именно тогда национальная либеральная мысль сначала концептуально «повзрослела», а затем институционально оформилась в соответствующие партийные структуры, однако, никак не снимает проблемы исследования генезиса либеральной традиции в России и содержания ее первоначальных проектов.

С одной стороны, такое положение дел должно вдохновлять исследователя возможностью оставить свой след в отечественном «либераловедении». С другой стороны, вызывает сожаление даже не столько весьма небольшое количество оригинальных и фундированных научных моделей истории раннего русского либерализма, сколько минимальный экспертный интерес к ней в настоящее время. Тем более тогда, когда либерализм после яркой вспышки перестроечной волны вновь утратил пассионарную составляющую своих идей даже в среде интеллигенции. Как верно замечает автор монографии К.И. Шнейдер, на смену политико-либеральной «оттепели» вновь «пришло «незамечательное десятилетие» профессиональной апатии к истории либерализма в России, ставшего в очередной раз, синонимом разрушения и анархии, наполненное бессмысленной идеологической риторикой» (С. 5). И в этом контексте рецензируемая книга, безусловно, является актуальной и будет востребована в российском и западном академическом сообществе.

Структура работы отличается логической стройностью и оригинальностью. Первая глава посвящена историографии проблемы и генезису либеральной традиции в России. Автор убедительно доказывает версию о формировании русского либерализма в середине XIX в., критически исследуя разные точки зрения по данному вопросу в отечественной и англо-американской историографии. К.И. Шнейдер подчеркивает, что русский либерализм в период своего становления отличался вариативностью (С. 48), и фокусирует внимание на двух основных версиях его бытования: «народнической», Кавелина и «охранительной», Чичерина. Обращает на себя внимание мысль о том, что «Чичерин сумел выйти за рамки предшествующей модели “просвещенного абсолютизма” благодаря активному наполнению ее классическими либераль-

ными ценностями при сохранении роли государства в качестве гаранта успешных и постепенных действий» (С. 49).

Вторая глава интересна обращением к теме аксиологии раннего русского либерализма и попыткой проследить историю рецепции и адаптации классических либеральных ценностей в условиях самодержавной России. И здесь представлены разные направления либерализма в решении его базовых ценностей. Скажем, настаивание Грановского и Кавелина на неограниченных креативных способностях и возможностях индивида контрастирует с более взвешенной позицией Чичерина, вышедшего, как отмечает автор, за «традиционные для раннего абсолютизма рамки просвещенческого образа личности, наполненного безграничным прогрессизмом» (С. 53), и активно его демифологизировавшего. При этом К.И. Шнейдер приходит к вполне взвешенному выводу, что идеальный тип политического индивидуализма Кавелина в основном опирался на абстрактные философские каноны, тогда как Чичерин попытался максимально прагматически адаптировать постулаты концепции «просвещенного абсолютизма» к российским условиям, увязав процесс правовой эмансипации личности с постепенными реформами верховной власти и зрелостью общества (С. 54). Именно Чичерину принадлежит авторство идеи «охранительного либерализма», в которой он попытался примирить свободу с просвещенной монархией, предполагавшей и смену образов России: превращение «географического соседа» и «вечного ученика» Запада в «соучастника» исторического прогресса (С. 93).

Внимание специалиста привлечет оригинальный материал четвертой главы, где автор рассматривает социокультурные особенности раннелиберальной концепции. Подчеркивая акцентированное внимание русских либералов к британской модели взаимодействия аристократии и общества, открытость первой публичной критике, что ежедневно проверяло ее позиции на социально-значимую прочность, российские либералы, мотивированно предполагает автор, этой мифологизацией английской аристократии либо стремились обнаружить в человеческой истории примеры социальной ответственности элит перед народом, либо желали убедить себя и своих оппонентов в безальтернативности тесной связи власти и дворянства в период преобразований. Так или иначе, заключает К.И. Шнейдер, ранние русские либералы не только адаптировали, но и наполняли новым содержанием концепцию «просвещенного абсолютизма» за счет введения представлений о свободе и правах личности (С. 169). Аристократизм и этатизм их взглядов несколько не противоречили их главной цели – определению «правильного» исторического маршрута и способов укоренения достижений либеральной

мысли в специфических условиях самодержавной и патриархальной России. И потому неслучайно они видели в образованной части дворянского сословия наиболее удачную кандидатуру на роль социального локомотива в преобразованиях, не без оснований опасаясь разрушительных начал, таившихся в радикализме нарождавшейся демократии.

Автор при этом не без оснований полемизирует с теми историками, которые определяли ранний русский либерализм как дворянский, и справедливо усматривает корни такой аберрации исторической мысли в недооценке проблемы превращения русского либерализма из рационалистической утопии западного типа в полноценную, национально адаптированную концепцию развития российского государства. Выход исследовательской мысли автора приводит его к заключению об уникальном характере либерального российского интеллектуального феномена в «большом либеральном семействе», состоящем из разных культурно-национальных явлений. К.И. Шнейдер делает при этом и попытку обнаружить не только особенные, но и *схожие черты русского либерализма с другими версиями континентально-европейской традиции*, проводя в частности параллели между рядом идей Чичерина и французского мыслителя Константа. Он отмечает, что эти сходства лежат в плоскости признания обоими первостепенности гражданской свободы по отношению к свободе политической, предоставления избирательного права на основе имущественного ценза, права собственности, аристократизма, а также в некоторых взглядах на монархию. Попытка чрезвычайно важная и перспективная в плане уточнения базовых идей книги: вписанности раннего русского либерализма в континентально-европейскую традицию и одновременно уникального его статуса в ней. Попытка, которая ждет своего продолжения.

Нет сомнений, что книга К.И. Шнейдера будет интересна специалистам по отечественной истории, интеллектуальной истории, социологам и политологам не только как повод для размышлений и дискуссий по столь животрепещущему вопросу, но и в практическом плане. Многие ее положения наверняка войдут в научно-образовательный оборот сегодняшней гуманитарно-практической деятельности как в пространстве высшей школы, так и общественно-информационном.

И.Ю. Николаева

Николаева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета; percka@mail.ru